15 АПР. 1950

К 20-й годовщине со дня смерти В. В. Маяковского

ОН С НАМИ—В БОЕВОМ СТРОЮ

Долой
жрецов искусства,
шевелюрой заросших густо.
Артисты те —
кто в рабочем ряду
строить коммуну
с песней идут.

* * *

Каждого бюрократа
выпарь
и прочисть —
и веник рабочего
и
художества кисть.

* * *

Не для того
театров
громады каменные,
чтоб разводить
завывания камерные.

Вытряхнем индивидуумов
из жреческих ряс!
Иди, искусство,
из массы
и для масс!

* * *

Некоторые говорят:
«Спектакль прекрасен,
но он
непонятен
широкой массе».
Барскую заносчивость
скорей донашивай,—
масса
разбирается
не хуже вашего.

Вл. Маяковский

1930 г.

В. В. Маяковский

Портрет художника М. Штейнера.

Лучший поэт советской эпохи

Можно подойти к книжному шкафу и взять любой том из двенадцатитомного собрания произведений великого советского поэта Владимира Маяковского. Пусть это будет книга, где собраны его стихи, написанные в начале первой пятилетки. Можно раскрыть книгу на любой странице, и сразу по лестничным строчкам поэта начнут подыматься юные годы нашей Советской страны — события, явления, факты, образы людей начала социалистической эры. Не прошлое, осыпавшееся уже пожелтелой календарной листвой, а сама живая действительность тех лет заговорит, задышит, зашагает вместе с нами. Мы увидим в стихах поэта Красную площадь Москвы, где высится мавзолей Ленина, поедем вместе с Маяковским в новорожденный город Свердловск, возникший из «воли, Урала, труда и энергии». Затем пронесутся описанные Маяковским первые колхозные поля, сады, виноградники, дворцы Крыма, где отдыхают знатные крестьяне, именитые рабочие. Мы услышим голоса героев-строителей Кузнецкого комбината в сибирской тайге, их убежденный шепот: «Здесь будет город-сад»... Раздастся зовущий призыв поэта «Вперед, время!»... Новые перелистываемые страницы перенесут нас за рубеж, в Ниццу, в Монте-Карло, где к рулеточному столу, к кипам долларов и франков ползут «поганенькие монтекарлики». В Париж, где полицейские—«...ажаны в нос и в очки...» избивают бастующих французских пролетариев... Вот коридор вагона. Подобострастные таможенные чиновники в заграничном поезде, «не переставая кланяться, берут, как будто берут чаевые, паспорт американца». Кстати: точь-в-точь как нынешние министры маршаллизованных стран! Но вот опять наша граница, возвращение, вновь любимые русские ландшафты, снега, сосенки, и снова советская стройка, советское солнце. Трудовые будни, многомиллионные демонстрации в Мае и в Октябре, наши гигантские планы, огромные свершения:

Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.

Но разве все это только кадры исторической хроники, достоверно запечатленные поэтом? Об'ективный опыт событий? Нет, гораздо больше! Это—само участие в жизни! Сама поэзия взошла на леса строек, шагает вместе с трудовыми людьми по цехам заводов. События, даты, места, города, наблюдения глубоко осмыслены, оживлены вмешательством поэта, его страстной, придирчивой оценкой каждой жизненной детали. Здесь все пронизано пристрастным отношением строителя новой жизни, который все меряет особой новаторской меркой. Разве Маяковский просто описывает, повествует? Нет, он все оценивает, чувствует и за себя и за других и, наконец, вмешивается, как один из полновластных хозяев своей страны. В этом величие его поэзии.

Это—гордость за Россию, за Москву, где в революционных боях «решали судьбу и Киевов и Тифлисов». Это — гигантская любовь к Ленину. Ему поэт докладывает «не по службе, а по душе». Это — горячее желание, чтобы «в дебатах потел Госплан», давая поэту задания на год. Это—большущий восторг перед нашим, новым, рожденным трудом и мыслью простых, но много знающих тружеников. Это — критика и самокритика, необходимые, «как чистый воздух в комнате». Это—непримиримость ко всякой «дряни и ерунде», путающейся в ногах, мешающей нам строить, —«кулаки и волокитчики, подхалимы, сектанты и пьяницы...». Но, докладывает Маяковский, «мы их всех, конешно, скрутим...». Это—иронический взгляд на кучерявых поэтических барашков, пасторально блеющих в дни, когда нужны марш, лозунг, призыв. Это—презрение к «гражданкам Кротихам», к прячущейся обывательщине. Но это—гордость за молодежь, за комсомол, получивший свой первый орден, и пожелание ему: «Добудь второй!». Это—слова презрения к предателю пролетарского дела молодчику Лапорту, перебежавшему в лагерь врагов французских трудящихся. «Полицейская телятина!»—вот убийственное прозвище, брошенное Маяковским ренегату. Это—проницательное понимание предательской роли желтопрофсоюзных боссов вроде Гомперса или Гевлока Вильсона, выполняющих мелкие и крупные поручения мелких и крупных буржуев. Это—слова братской солидарности с бастовавшими тогда рабочими Англии, с пролетариями французских заводов Рено и Брезо. Это—ладонь рукопожатия, протянутая трудящимся Польши. И это — уважение ко всякому труду и товарищеское спасибо простой советской машинистке-переписчице: «Как работнице и другу на тебе мои стихи!». И это—неукротимая ярость против бюрократических помпадуров. И это — глубочайшая вера в созидательные силы простых людей, в партию Ленина—Сталина, в ее октябрьское пробитое пулями знамя... Вот отдельные черты отношения Маяковского к жизни. Когда мы соединим воедино его любовь и ненависть, его ласку и гнев, его улыбку и иронию, его рукопожатия и удары, нам откроется большой и цельный образ — образ великого поэта и гражданина Советской страны.

Огромность личности Маяковского как раз выражена в том, что он своей поэзией отразил характер наших подчас незаметных, скромных людей, так же как поэт оценивавших и переживавших явления современной им эпохи. Величие Маяковского как раз в том, что он реалистически верно раскрывал сущность наших обыкновенных людей — строителей новой жизни. Раскрыл глубоко и на долгие годы вперед. Не к тому стремился поэт, чтобы «торчать у веков на выкате», как некая возвышающаяся над «толпой» особая индивидуальность! Напротив, в растворении своего труда в труде миллионов поэт видел счастье:

Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.

Таково чувство миллионов тружеников, и поэт, передавший это новое чувство, рожденное в советской эпохе, стал народным поэтом.

Маяковский славил отечество, «которое есть», двадцать три года тому назад, в день десятилетия Октября. Но он тогда славил и отечество, «которое будет», то-есть наше нынешнее время, наше сегодняшнее общество, которое советский народ взрастил в труде сталинских пятилеток и отстоял в сражениях. Поэт видел жизнь в ее революционном развитии, в ясных перспективах. В современных ему планах и делах он чувствовал возросшие планы и дела завтрашних дней. «...Надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шагу», — таков был его поэтический завет. Но ведь таков и характер его современников — советских людей. Принципом постоянного развития, движения вперед, в завтра, руководствуются миллионы рабочих, колхозников, агрономов, инженеров, деятелей всех профессий, всех наук, юные и зрелые люди, девушки и юноши, отцы и матери. Однако и «будущее» и «завтра» — уже не нечто лишь мечтаемое, отдаленное. Будущее наступает каждый час, каждый день, каждый год. Жизнь, показанная в развитии, в движении, в творчестве, — вот где секрет непреходящей актуальности стихов Маяковского. Возьмите тему мира и войны: Маяковский еще в ранних своих стихах проклял империалистические бойни. Он уже тогда видел, кому они выгодны, что они приносят простым, трудящимся людям. Он глубоко уважал стремление угнетенных народов разогнуть спину и сбросить мучительный колониальный гнет. Великий поэт страстно поддерживал героическую борьбу китайского народа за свою независимость. Когда в Ярославле Маяковского попросили прочесть лучшее его стихотворение, он ответил оглашением телеграммы о победе революционных войск:

И гаркнул я,
сбившись
с поэтического тона,
громче
иерихонских хайл:
«Товарищи!
Рабочими
и войсками Кантона
взят
Шанхай!»

Борясь против поджигателей войны, Маяковский был уверен в силах советского народа, в его несомненной победе. Есть у него замечательное стихотворение «Киев». Поэт стоит на Владимирской горке, там, где «киевскую Русь оглядывал Перун». Ему видятся отдаленнейшие события родной истории—«прадеды, прапрадеды и пра-пра-пра!..» Перед ним расстилается и ширь Подола, и ширь истории, и события грядущих лет:

Вот
моя
рабочая страна,
одна
в огромном мире,
—Эй!
Пуанкаре!
Возьми нас!?
Чорта!

Можно заменить имя «Пуанкаре» каким-нибудь другим, более современным именем поджигателя войны (например, Черчилль, Брэдли и т. п.) и с тем же презрением и с той же уверенностью в силах сторонников мира ответить по-маяковски: Возьми нас!?.. Чорта!

Полпред стиха, Маяковский много ездил и видел жизнь за рубежом. Он знал, как живет бедняк-мексиканец, питаясь гнилью ананасов: без работы, без хлеба, без прав. Он видел жизнь рабочего-немца и батрака-поляка в панской Польше. Он разоблачал ложь буржуазных демократий, ханжескую низость резиноводубиночных полицейских свобод США. «Американская баба-свобода»—вот разоблачительная кличка, данная Маяковским фигуре с факелом, за спиной которой вешают негров и делают полицейских президентов для колонизируемых народов. Глазом советского человека, верным зрением он увидел, что и в Нью-Йорке за обманно-цветным калейдоскопом реклам, сулящих блаженство парфюмерии и консервированной колбасы,— та же тяжелая жизнь для бедняков:

Здесь
жизнь
была
одним—беззаботная,
другим —
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой.

Он сравнивал и видел, как далеко мы в Советском Союзе ушли вперед от одиночества, от одичалости жизни в капитализме, как поднялись над старым бытом, как посветлел у нас облик человека, у нас—в стране без эксплоататоров. Он говорил о себе:

Я себя
советским чувствую
заводом,
вырабатывающим счастье.

Это чувство «выработки счастья» свойственно у нас не одним лишь поэтам. «Вырабатывают счастье» все трудящиеся люди в нашей стране: государственные деятели, колхозники, сталевары, ткачи, ученые, композиторы, матери, воспитывающие детей... В ремесленных училищах, техникумах и институтах миллионы юношей и девушек учатся методам «выработки счастья». О новых цифрах «выработки счастья» мы узнаем из сводок нашей промышленности и сельского хозяйства, из публикаций о новых и новых снижениях цен, из писем колхозников и рабочих товарищу Сталину. Да, мы, трудясь, создаем общество человеческого счастья.

Не преуменьшая трудностей, не замазывая недостатков, критикуя пережитки прошлого, Маяковский вселяет в сердца людей уверенность и бодрость, веру в победу нашего дела. Великим поэтом на долгие годы выработано счастье поэзии, оживляющее, бодрящее, подымающее человека на труд и на подвиг. Он говорил:

Нам
пить
в грядущем
все соки земли,
как чашу,
мир запрокидывая.

И это предсказанье—правда! Такие строки не стареют. Такая любовь к людям, к своей стране, к ее будущему—бессмертна.

На эту любовь к своей родной земле сама советская Родина ответила словами Иосифа Виссарионовича Сталина:

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

С. КИРСАНОВ.

Как живой с живыми...

...Гаснет свет, и на экране появляется имя, любимое народом: Владимир Маяковский. Вот перед нами поэт, большой и сильный, взволнованный и одухотворенный. С экрана звучат его слова:

— Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана-главаря! Заглуша поэзии потоки, я шагну через лирические томики, как живой с живыми говоря.

Эти слова — как бы эпиграф к фильму. Маяковский не умер, он с нами, «в рабочем строю».

Каким же предстает зрителю Владимир Маяковский в фильме, выпущенном к двадцатилетию со дня смерти поэта? Удалось ли авторам раскрыть средствами документального кино могучую волю, идейность, гражданскую взволнованность и поэтическую страстность Маяковского? Представляется, что авторы фильма правильно поступили, сосредоточив свое внимание и усилия на главном. Это главное — Маяковский и революция, Маяковский и строительство коммунизма, Маяковский и капиталистический мир.

Фильм повествует не о поэте, некогда бывшем, а о поэте, существующем ныне, борющемся в едином строю со всем советским народом и прогрессивным человечеством.

...Когда с'емочная группа производила с'емки на родине поэта, в селе Маяковски, она была приглашена в сельский Дом культуры. Шел вечер художественной самодеятельности. Выступал молодежный хор. И вот руководитель хора об'являет: будет исполнена народная грузинская песня о Владимире Маяковском. Это была задушевная песня о сильном человеке, чье поэтическое слово разило врага, как булатный меч, чьи вдохновенные строки укрепляли веру в сердцах людей.

Кутаиси. Здесь учился Володя. В 1905 году этот город был одним из центров революционной борьбы. Поэт вдыхал свежий ветер революционной бури. «Не до учения... Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел». Заревом революции освещено детство будущего поэта.

В 1906 году семья Маяковских переезжает в Москву, где только что отгремели баррикадные бои. И уже в начале 1908 года юноша Маяковский работает пропагандистом московской большевистской организации под кличкой «Константин». Потом пошли аресты, Бутырская тюрьма, одиночка...

В тюрьме впервые юноша Маяковский пробует писать стихи. Это было время, когда буржуазное искусство, чтобы отвлечь массы от революции, воспевало мистику, предательство, разврат. И в этой обстановке Владимир мечтает: «...Хочу делать социалистическое искусство».

Первый, кто подал молодому поэту руку дружбы, был Максим Горький. Искренняя дружба двух великанов литературы подчеркнута в фильме удачным монтажным решением этой темы и выразительным дикторским текстом.

Маяковский открыл новый мир поэзии; он увидел страну будущего и к людям этой страны обращал свое слово. В знаменитой поэме «Облако в штанах» слышны раскаты приближающейся революционной грозы. «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год».

Из двенадцати томов, в которых заключено литературное наследство Маяковского, одиннадцать написаны в советские годы. Все творчество поэта устремлено вперед, проникнуто пафосом строительства коммунизма.

...На экране — кадры из документальной хроники первой пятилетки. Город Кузнецк. Строительная площадка. Люди роют огромный котлован. Мы слышим текст Маяковского:

— Я вижу — где сор сегодня гниет, где только земля простая, — на сажень вижу, из-под нее коммуны дома прорастают.

И мы видим уже просторную улицу в Кузнецке, который теперь называется Сталинском, видим красивые дома, в которых живут творцы новой жизни — герои сталинских пятилеток.

Удался этот прием и в той части фильма, где повествуется о пребывании поэта за рубежами Советского Союза. Как полпред нашей поэзии, как посланник социалистической культуры приезжал он в капиталистические страны и зорко вглядывался в чужую, полную уродливых противоречий жизнь.

Побывав в Америке, Маяковский писал: «...Если ты отвык ненавидеть, — приезжай сюда, в Нью-Йорк».

Проходят виды богатого города-спрута. А Маяковский рассказывает: «Здесь жизнь была одним — беззаботная, другим — голодный протяжный вой».

И как иллюстрация этих слов — у костра греются безработные, нищие роются в мусорных ящиках. Снова богатый Нью-Йорк. «Я стремился за 7000 верст вперед, а приехал на 7 лет назад». На экране полицейские разгоняют демонстрацию, избивают безработного.

Так в фильме приобретают дополнительную силу строки поэта, развенчавшего волчий «образ жизни» империалистической Америки.

Высшей гордостью Маяковского было его достоинство советского человека: «У советских собственная гордость...», высший титул — звание гражданина СССР. «Стихи о советском паспорте», прочитанные в фильме В. Яхонтовым, великолепно выражают пламенное чувство патриотизма, которым преисполнены сердца советских людей.

И как символ советской державы возникают кадры Москвы. Улица Горького. Витрина книжного магазина: «Моя фамилия в поэтической рубрике. Радуюсь я — это мой труд вливается в труд моей республики».

Партия Ленина — Сталина была для поэта самым дорогим в жизни. Никто из советских поэтов не сумел еще с такой силой и благородством выразить чувства, какими окружает наш народ свою родную партию: «Хочу сиять заставить заново величественнейшее слово — **партия**».

Авторам фильма удалось раскрыть поэтическое, художественное выражение темы партии в творчестве поэта. Он черпал поэтическое вдохновение в работах Ленина и Сталина. Мы видим, как, создавая плакаты РОСТА, Маяковский ставит эпиграфом слова Ленина и находит поэтическое выражение ленинского призыва.

21 января 1930 года Маяковский читал отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин» в Большом театре. В тот вечер Маяковского слушали товарищ Сталин и члены Политбюро.

Выразительность отдельных кадров фильма — пример того богатства возможностей, каким обладает документальное кино для воссоздания живого облика поэта. И очень жаль, что авторы фильма не использовали значительный материал, связанный с именем Маяковского, чтобы еще полнее отразить любовь нашего народа к своему поэту. Огромные тиражи книг Маяковского представлены в фильме обособленно от многомиллионного читателя. Поэтому эти кадры воспринимаются зрителем как выставочный стенд, а не как постоянно действующее оружие советской литературы.

Серьезным упущением является отсутствие в фильме имеющихся записей голоса поэта. Насколько это обогатило бы фильм «Владимир Маяковский», воскрешающий образ поэта-трибуна!

И хочется надеяться, что работники советской кинематографии продолжат начатую работу над образом лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи.

С. КЛЕБАНОВ.

«Владимир Маяковский». Сценарий и текст С. Нагорного, режиссер С. Бубрик, оператор А. Левитан, композитор А. Муравлев. Производство Центральной студии документальных фильмов.

Маяковский-художник

Имя Владимира Маяковского, талантливейшего поэта советской эпохи, трибуна и публициста, связано прежде всего с нашей литературой. Невозможно, однако, забыть и о том месте, которое он занял в истории советского изобразительного искусства.

Маяковский был незаурядным художником. Любовь к изобразительному искусству проходит через всю его жизнь. Он участвует на выставках, иллюстрирует свои агитпоэмы, создает лубки и плакаты, делает обложки для своих книг, рисует для «Огонька», пишет эскизы костюмов для пьесы «Баня».

Рисунок и живопись увлекали Маяковского с юношеских лет. Учился он у пейзажиста Жуковского, у мастера портретной живописи Келина и три года провел в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Особенно удавались Маяковскому портретные наброски—точные по сходству, метко передающие характер. Репин, увидев в 1915 году рисунки Маяковского, никак не соглашался признать в нем футуриста. «Да в каждом его рисунке, в каждом штрихе — доподлинный реализм,— говорил Илья Ефимович. — И как хлестко нарисовано, с каким темпераментом, с каким знанием анатомии. Он — истинный физиономист... Нет, это не дилетант, это мастер. А футуризму он чужд».

В дореволюционные годы Маяковского глубоко волновали судьбы русского искусства, вопрос о путях его развития. Маяковский негодовал, возмущаясь модным в то время преклонением перед иностранными «мэтрами». В статье «Как бы Москве не остаться без художников», написанной в 1914 году, Маяковский требовал «снести в подвал копии с иностранцев... и вернуться к изучению народного творчества». Выступая против рутины и казенщины в буржуазном искусстве, против оторванных от действительности эстетских направлений, против пошлости и сюсюканья, он с присущей ему страстностью призывал «итти от жизни, а не от картин», «откопать живописную душу России».

В искусстве изобразительном он так же стоял на позициях революционного новаторства, так же шел вместе с народом, как в своей литературной деятельности.

В 1917 году Маяковский выступил, как автор первых политических лубков, направленных против царского самодержавия. Работа эта началась по инициативе А. М. Горького. «Вскоре после февральской революции, — рассказывает в своих воспоминаниях художник А. Радаков,— Маяковского и меня пригласил к себе А. М. Горький. Мы пришли к нему домой, на Бронверкский проспект. Он сказал, что народ нуждается сейчас в новом слове, в живой иллюстрации, яркой картинке. Он предложил Маяковскому и мне писать лубки на революционные темы о свержении самодержавия, о революционных настроениях рабочих и солдат. От Горького мы направились в мою мастерскую на Михайловской площади. Здесь же при мне Маяковский набросал три новых лубка, потом обвел, и мы их залили краской. Лубки мы показали Горькому. Первые два ему понравились. К третьему, который был сделан только в эскизе, он предложил несколько исправлений...»

Лубки Маяковского были произведениями острой изобразительной публицистики, близкими по своей форме к жанру народного сатирического лубка. Они сопровождались краткими, но выразительными стихотворными подписями.

Год спустя Маяковский выпустил в свет пачку сатирических рисунков с текстами. В них он высмеивал помещика, кулака, заводчика, банкира. Вслед за этим изданием появилась «Советская азбука» Маяковского — собрание политических шаржей и эпиграмм. Поставив свое искусство на службу большевистской агитации, он из всех видов изобразительного искусства предпочел плакат.

Плакат в те годы был рупором революции. Он был прост и понятен миллионам, доходчив до любого зрителя.

Когда в Москве в 1919 году создавалась мастерская плакатов, получивших название «Окна сатиры РОСТА», Маяковский явился одним из ее инициаторов и вдохновителей. Он писал стихи для «Окон» и делал рисунки, давал темы другим художникам-ростовцам. Были случаи, вспоминает М. Черемных, когда Маяковский писал до восьмидесяти тем в день.

Вместе с Маяковским в «Окнах сатиры РОСТА» работали художники М. Черемных, И. Малютин, А. Нюренберг, Н. Денисовский, А. Лавинский. Маяковский с группой товарищей «шершавым языком плаката» боролся против врагов советской власти. Работать приходилось много, времени было мало. Плакаты делались быстро, иногда по пятьдесят плакатов в ночь вручную. Маяковский стремился сделать «Окна РОСТА» максимально эффективными. Плакат должен отзываться на событие немедленно, говорить о нем сразу же и в полный голос.

Просматривая газеты, фронтовые сводки и бюллетени РОСТА, Маяковский ежедневно отбирал 15—20 тем для «Окон». Маяковский писал и рисовал. Он писал про Врангеля: «Врангель фон, — Врангеля вон! Врангель враг,—Врангеля в овраг!». И рисовал карикатурного барона, опрокинутого ударом красноармейского сапога.

Ряд «Окон» Маяковского был направлен против злейшего врага Советской республики—Антанты, против империалистов Америки, Англии, Франции. На одном из плакатов Маяковский поместил карикатуру на «миротворца» Вильсона и «голодных псов» Антанты, на другом—изобразил Советскую республику в виде крепкого орешка, о который Антанта обламывает зубы. Срывая маски с империалистов, Маяковский разоблачал их лицемерие, их двойную игру:

Рабочий, не смотри Антанте в рот.
Ртом Антанта наверное только
врет.
Вырви язык, чтоб не лило елей.
Посмотри на руки лучше ей.
Несет тебе этими руками смерть...

В обстановке гражданской войны, блокады, интервенции, хозяйственной разрухи «Окна РОСТА» стали незаменимым идейным оружием революционного народа. «Окна РОСТА, — вспоминал впоследствии Маяковский,—фантастическая вещь. Это обслуживание горстью художников, вручную, стапятидесятимиллионного народища...

Это телеграфные вести, моментально переделанные в плакат; это декреты, сейчас же распубликованные частушкой...

Это новая форма, введенная непосредственно жизнью...

Это те плакаты, которые перед боем смотрели красноармейцы, идущие в атаку...»

Маяковский был исключительно целеустремленным художником. Все его произведения отмечены духом высокого патриотизма. Он ясно чувствовал цель и направленность плакатных ударов. Он всегда стремился и умел сделать свои плакаты отчетливыми, острыми, придать им силу снаряда, направленного в грудь врага. У плакатов Маяковского был свой стиль, свои творческие особенности, они отличались ясностью мысли, простотой и лаконизмом приемов изображения.

Маяковский был прекрасным организатором. Неизменно требовательный к себе и другим, он сумел поставить дело так, что в короткое время—за два с половиной года—художественная мастерская «Окон РОСТА» выпустила несколько тысяч плакатов.

Маяковский всячески ратовал за искусство плаката — выступал с докладами, речами, предлагал практические меры для проведения в жизнь «плакатной агитации». Его борьба за плакат была борьбой художника-патриота против эстетов, снобов, сторонников «чистого искусства», за искусство боевое, идейное, нужное народу. Маяковский питал глубокое презрение ко всему «красивенькому», нарочитому, конфетно-лакированному. Красоту он чувствовал остро в гармонии между формой и содержанием. Он с презрением отвергал те работы, в которых приглаженность форм и внешняя красивость затемняли внутренний смысл. Он был исключительно требовательным к идейному и художественному качеству плаката, ибо видел в нем не только мощное средство агитации, но и провозвестие нового художественного стиля. «Есть вещь, именуемая в рисунке «революционный стиль»,—писал Маяковский, — это стиль наших плакатов».

В плакате он ставил перед собой те же цели, что и в поэзии. Только средства были другими, другим был род оружия. Перед Маяковским-художником стояла необычайной сложности задача воплощения политических идей в конкретном, наглядном изображении. В своих плакатах он использовал форму народного лубка. Маяковский сразу же понял и оценил художественное своеобразие этой формы, ее жизненную выразительность. При этом для него не было неважных, незначительных событий, для него не было мелочей в искусстве.

Выступая как художник, Маяковский не переставал быть поэтом. Единство стиха и рисунка в его плакатах нерасторжимо. Маяковский хорошо понимал, что надпись не должна утяжелять плакат, усложнять его смысл. Изображение в плакате и текст взаимно дополняют друг друга. Надпись должна повторять смысл плаката, плакат — повторять смысл надписи. В таком двойном повторении усиливается действие плаката. И Маяковский мастерски умел рисунком и словом раскрыть и подчеркнуть основную мысль произведения.

«Окна сатиры РОСТА» сыграли огромную роль в истории нашего искусства. Вместе с печатными плакатами того времени они положили начало блестящему развитию советской реалистической графики. Сделавшись достоянием музеев в годы мирного строительства, «Окна сатиры» Маяковского, возродившиеся в виде «Окон ТАСС», вновь стали сильным и грозным оружием народа в эпоху Великой Отечественной войны. Заложенная Маяковским замечательная традиция боевой изобразительной публицистики жива и будет жить в советском искусстве!

М. НЕЙМАН, В. КОРЕЦКИЙ.

Вечер памяти поэта

В Центральном доме композиторов состоялся вечер, посвященный 20-летию со дня смерти В. В. Маяковского. Вступительное слово о творчестве талантливейшего поэта советской эпохи произнес А. Тарасенков.

Воспоминаниями о В. В. Маяковском поделились сестра поэта Л. В. Маяковская, писатель Л. Никулин и преподаватель музыкальной школы Н. Хлестов. С чтением произведений В. В. Маяковского выступил заслуженный артист РСФСР В. Аксенов.

На вечере был исполнен также ряд песен на слова поэта, написанных композитором Д. Васильевым-Буглаем.